

ДЭН СИММОНС

ТЕРРОР

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
С37

Серия «Эксклюзивная классика»

Dan Simmons
THE TERROR

Перевод с английского *М. Куренной*

Серийное оформление *А. Фереза, Е. Ферез*

Дизайн обложки *В. Воронина*

Симмонс, Дэн.

С37 Террор : [роман] / Дэн Симмонс ; [перевод с английского М. Куренной]. — Спб. : Азбука, Издательство Азбука, 2026. — 1024 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-191050-1 (АСТ)

ISBN 978-5-389-34979-7 (Азбука)

Середина XIX века. Джон Франклин, прославленный полярный исследователь, отправляется со своей командой к северному побережью Канады на кораблях «Террор» и «Эребус». Но северные воды тают множество опасностей — и вот уже корабли затерты льдами, большая часть снаряжения потеряна, и путешественники вынуждены приложить все силы, чтобы выжить. Однако самое страшное не голод, не холод и не болезни, терзающие ослабленных людей, а неведомое существо, будто сотканное из вьюги и мрака, методично убивающее участников похода одного за другим...

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Dan Simmons, 2007. All rights reserved

© М. Куренная, перевод, 2018

© Издание на русском языке.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2026

*Посвящаю, с любовью и благодарностью
за неизгладимые полярные впечатления,
Кеннету Тоби, Маргарет Шеридан, Роберту Корнуайту,
Дугласу Спенсеру, Дейви Мартину, Уильяму Селфу,
Джорджу Финнеману, Дмитрию Тёмкину,
Чарльзу Ледереру, Кристиану Найби, Говарду Хоуку
и Джеймсу Арнессу*

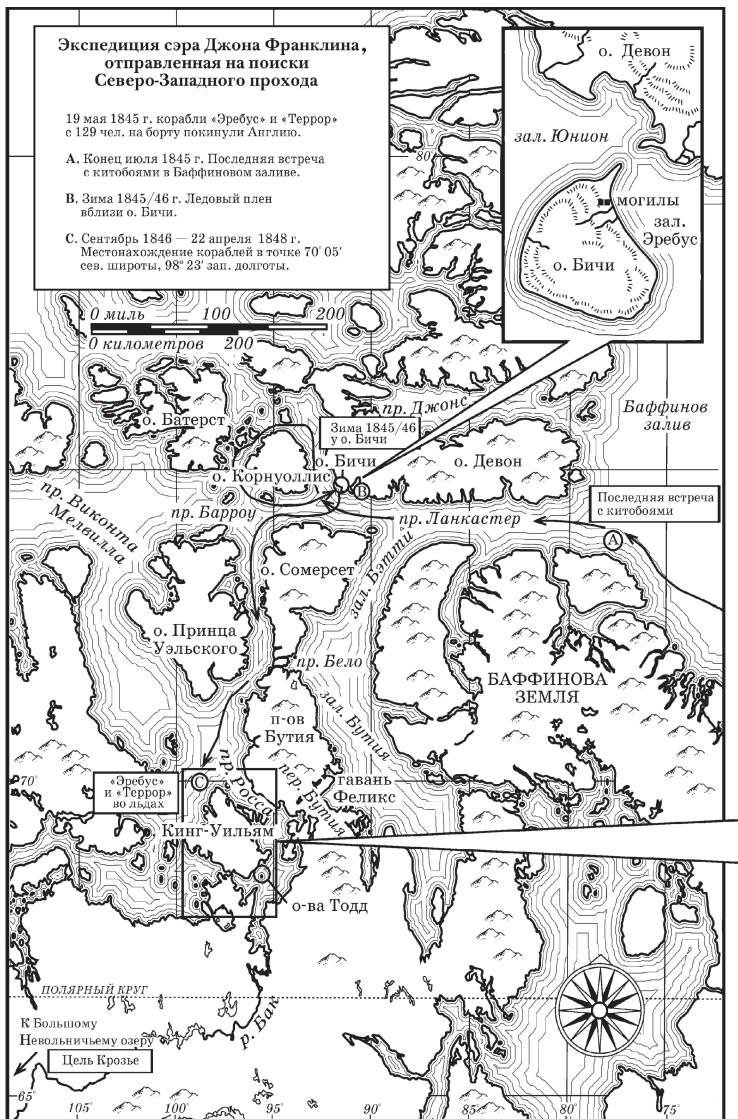
**Экспедиция сэра Джона Франклина,
отправленная на поиски
Северо-Западного прохода**

19 мая 1845 г. корабли «Эребус» и «Террор»
с 129 чел. на борту покинули Англию.

А. Конец июля 1845 г. Последняя встреча
с китобоями в Баффиновом заливе.

В. Зима 1845/46 г. Ледовый плен
вблизи о. Бичи.

С. Сентябрь 1846 — 22 апреля 1848 г.
Местонахождение кораблей в точке 70° 05'
сев. широты, 98° 23' зап. долготы.

(Полу)остров Кинг-Уильям

0 миль 20 40

0 километров 40

Приблизительное
местонахождение
кораблей 1846-1848

стоянка «Виктория»

м. Джейн Франклин

стоянка
Франклина

м. Феликс

■ пирамида Росса

× лагерь «Террор»

× место резни

× Левеконт

ручей

× оставленные
лодки

лазарет

Пеглар

Местоположение
«Террора», после
дрейфа льдов

зал. Кин-Мод

ОСТРОВ
КИНГ-УИЛЬЯМ

пирамида

Бриджес

голодный лагерь

п-ов
Аделаида

пр. Джеймса Росса

пр. Симпсон

р. Парффер

сезонная
стоянка
эскимосов

лагерь Спасения

о-ва Тодд

пр. Рей

зал. Чантни

К устью р. Бак
60 миль (100 км)

Белизна, лишенная приятных ассоциаций и соотнесенная с предметом и без того ужасным, усугубляет до крайней степени его жуткие качества. Взгляните на белого полярного медведя или на белую тропическую акулу; что иное, если не ровный белоснежный цвет, делает их столь непередаваемо страшными? Мертвенная белизна придает торжествующе-плотоядному облику этих бесчеловечных тварей ту омерзительную вкрадчивость, которая вызывает еще больше отвращения, чем ужаса. Вот почему даже свирепый тигр в своем геральдическом облачении не может так пошатнуть человеческую храбрость, как медведь или акула в белоснежных покровах.

*Герман Мелвилл.
Моби Дик, 1851*

1

КРОЗЬЕ

*70° 05' северной широты, 98° 23' западной долготы.
Октябрь 1847 г.*

Поднявшись на палубу, капитан Крозье видит свой корабль под натиском небесных фантомов. Над ним — над «Террором» — мерцающие складки света выстреливают вперед, но в следующий миг отпрядывают назад, точно разноцветные руки агрессивных, но все-таки нерешительных призраков. Эктоплазматические пальцы протягиваются к кораблю, растопыряются, готовясь схватить, и отдергиваются.

Температура воздуха минус пятьдесят градусов по Фаренгейту* и быстро падает. Из-за тумана, сгустившегося ранее, в течение единственного часа бледных сумерек, до которого теперь сократился день, укороченные мачты (стенги, брам-стенги, верхний рангоут и такелаж были сняты и убраны, чтобы свести к минимуму опасность обрушения на палубу льда и вероятность опрокидывания судна из-за веса ледяных наростов на них) сейчас похожи на обледенелые деревья с грубо обрубленными ветвями и спиленными верхушками, отражающие сполохи полярного сияния, пробегающие по небу от одного еле различимого горизонта до другого. Пока Крозье смотрит, торосистые

* То есть -45° по Цельсию.

8 ледяные поля вокруг корабля становятся голубыми, потом багрово-фиолетовыми, а затем ярко-зелеными, как холмы его детства в Северной Ирландии. На краткий миг возникает ложное впечатление, будто гигантский айсберг, находящийся почти в миле впереди по правому борту и загораживающий от взгляда второй точно такой же корабль, «Эребус», источает цветное сияние изнутри, полыхая своим собственным холодным пламенем, сокрытым в недрах.

Подняв воротник и запрокинув голову по сорокалетней привычке проверять состояние мачт и такелажа, Крозье замечает, что звезды над головой горят холодным ровным светом, но над горизонтом они не только мигают, но также, если смотреть на них пристально, перемещаются, прыгая влево-вправо и вверх-вниз. Крозье видел такое и прежде — не только в этих водах во время предыдущих экспедиций, но и в Антарктике, вместе с Россом, — и один ученый, ходивший с ними в плавание к Южному полюсу, человек, который провел первую зиму во льдах, шлифуя и полируя линзы для своего телескопа, сказал Крозье, что, вероятно, такое поведение звезд объясняется быстро меняющимся углом преломления света в холодном воздухе, лежащем тяжелыми, но подвижными массами над скованными льдом морями и невидимыми полярными землями. Другими словами, над новыми материками, доселе сокрытыми от глаз человека. «Или по крайней мере, — думает Крозье, — здесь, в Арктике, — от глаз белого человека».

Крозье со своим другом и тогдашним начальником экспедиции Джеймсом Россом открыли именно такой новый континент — Антарктику — без малого пять лет назад. Они назвали море, залив и материк именем Росса. Они назвали горы именами своих друзей и покровителей. Они нарекли два вулкана, видневшихся на горизонте, в честь своих кораблей — вот этих самых

кораблей, — дав дымящимся горам названия Террор и Эребус. Крозье удивило, что они не назвали какой-нибудь значительный географический объект в честь корабельного кота.

Они ничего не называли в честь его. И сейчас, вечером зимнего сумеречного дня в октябре 1847 года, ни один арктический или антарктический материк, остров, залив, фиорд, горный хребет, вулкан или паршивый айсберг не носит имени Френсиса Родона Мойры Крозье.

Крозье глубоко плевать на это. Едва подумав об этом, он осознаёт, что малость пьян. «Ну что ж, — думает он, машинально удерживая равновесие на обледенелой палубе, теперь наклоненной на двенадцать градусов к правому борту и на восемь градусов к носу, — последние три года я чаще пьян, чем трезв, не так ли? В пьяном виде я по-прежнему остаюсь лучшим моряком и капитаном, чем жалкий бедолага Франклин — в трезвом. Или его розовощекий шепелявый пуделек Фицджереймс, коли на то пошло».

Пьян с тех самых пор, как София...

Крозье трясет головой и направляется по обледенелой палубе к носу и к единственному вахтенному, которого он может разглядеть в мерцающем свете полярного сияния.

Это низкорослый, похожий на крысу Корнелиус Хикки, помощник конопатчика. Здесь, на посту, в темноте все мужчины выглядят одинаково, поскольку все обеспечены одинаковым зимним обмундированием — толстой непромокаемой шинелью, под которую надеваются фланелевые и шерстяные рубахи, фуфайки и свитера; округлыми пухлыми рукавицами, торчащими из широких рукавов; так называемым уэльским париком, то есть толстой вязаной шапкой с «ушами», плотно прилегающей к черепу и часто надеваемой в комплекте с длинным шерстяным шарфом, который

наматывается на голову так, что остается виден только кончик обмороженного носа. Но каждый мужчина вносит в свое обмундирование что-то своеобычное — порой добавляя к нему шарф, взятый из дома, дополнительный «уэльский парик», который натягивается поверх первого, либо, возможно, разноцветные перчатки, связанные любящей матерью, женой или подругой и торчащие из-под форменных рукавиц Военно-морского флота Великобритании, — и Крозье научился распознавать всех своих оставшихся в живых пятьдесят девять офицеров и матросов даже со значительного расстояния и в темноте.

Хикки смотрит неподвижным взглядом вперед, за обросший сосульками бушприт, передние десять футов которого сейчас утоплены в гряде торосов, поскольку корма британского военного корабля «Террор» под давлением льда поднялась, а нос, соответственно, опустился. Помощник конопатчика так глубоко погружен в свои мысли или так сильно застыл, что не замечает приближения капитана, пока Крозье не становится рядом с ним у поручня, превратившегося в алтарь из льда и снега. К этому алтарю прислонен дробовик вахтенного. Никому неохота притрагиваться к железу на морозе, даже в рукавицах.

Хикки слегка вздрагивает, когда Крозье опирается на поручень рядом с ним. Капитан «Террора» не видит лица двадцатилетнего парня, но клубы пара от дыхания — моментально превращающиеся в облачка ледяных кристаллов, искрящихся в свете сполохов, — вырываются из-под туго намотанных на голову поверх «уэльского парика» шерстяных шарфов.

Зимой во льдах члены экипажа обычно не отдают честь, даже не прикасаются небрежно пальцами ко лбу, каковым жестом положено приветствовать офицеров в плавании, но тепло закутанный Хикки легко шаркает ногой, пожимает плечами и чуть наклоняет голову, как

принято делать при встрече с капитаном на палубе. Из-за мороза время дежурства сократили с четырех часов до двух — видит бог, думает Крозье, на нашем переполненном корабле достаточно людей для этого, даже если удвоить число вахтенных, — и по медленным движениям Хикки он понимает, что парень окоченел от холода. Сколько бы раз он ни повторял часовым, что они должны постоянно двигаться, ходить взад-вперед, совершать бег на месте, прыгать при необходимости, не отвлекаясь от наблюдения за льдами, они все равно предпочитают большую часть времени стоять неподвижно, словно находятся в южных морях, одетые в тропическую хлопчатобумажную форму, и высматривают в воде русалок.

— Капитан.

— Мистер Хикки. Что у вас?

— После тех выстрелов — ничего... после того одного выстрела... почти два часа назад. А совсем недавно я услышал, то есть мне показалось, что я услышал... может, крик или что-то вроде, капитан... из-за того айсберга. Я доложил лейтенанту Ирвингу, но он сказал, что, вероятно, это просто лед трещит.

Два часа назад Крозье сообщили о звуке выстрела, раздавшегося со стороны «Эребуса», и он мгновенно поднялся на палубу, но, поскольку звук не повторился, не отправил посыльного на другой корабль и никого не отрядил обследовать лед. Выходить на лед в темноте сейчас, когда это... существо... сторожит там, среди торосов и высоких заструг, равносильно смерти. Теперь сообщения с корабля на корабль передавались только в течение короткого и неуклонно сокращающегося периода света около полудня. Через несколько суток дня как такового вообще не будет, только полярная ночь. Круглые сутки. Сто суток полярной ночи.

— Вероятно, это был треск льда, — говорит Крозье, задаваясь вопросом, почему Ирвинг не доложил

12 о похожем на крик звуке. — И выстрел тоже. Просто треск льда.

— Да, капитан. Просто треск льда, сэр.

Ни один ни другой не верят в это — выстрел мушкета или дробовика ни с чем не спутаешь, даже на расстоянии мили, и звук разносится почти сверхъестественно далеко и отчетливо здесь, на Крайнем Севере, — но паковые льды, сжимающиеся все плотнее вокруг «Террора», действительно постоянно громыхают, стонут, трещат, хрустят, ревут.

Больше всего Крозье беспокоят крики, будящие его каждую ночь, когда он на час-другой погружается в крепкий сон. Звуки ледового треска слишком напоминают громкие мучительные стоны матери в последние дни жизни... и еще сказки старой тетушки о привидениях-плакальщицах, вопли которых в ночи предвещают смерть кого-нибудь в доме. И первые, и вторые лишали его сна в детстве.

Крозье медленно поворачивается. Ресницы у него заиндевели, а верхняя губа уже покрылась коркой льда, от замерзшего пара дыхания и соплей. Мужчины научились прятать бороду под шерстяными шарфами и воротами свитеров, но все же им часто приходится прибегать к помощи ножей, чтобы отрубить пряди волос, примерзшие к одежде. Как большинство офицеров, Крозье продолжает бриться каждый день, хотя по причине экономии угля «горячая вода», которую приносит ему вестовой, представляет собой скорее едва растаявший лед, и процедура бритья бывает весьма болезненной.

— Безмолвная леди все еще на палубе? — спрашивает Крозье.

— О да, капитан, она почти всегда здесь, — отвечает Хикки, теперь шепотом, словно это имеет значение.

Даже если Безмолвная и слышит их, она не понимает английскую речь. Но мужчины верят — все боль-

ше и больше с того дня, как существо во льдах начало преследовать их, — что молодая эскимоска является ведьмой, обладающей таинственными способностями.

— Она с лейтенантом Ирвингом, на посту у левого борта, — добавляет Хикки.

— С лейтенантом Ирвингом? Его вахта должна была закончиться более часа назад.

— Так точно, сэр. Но в последние дни где Безмолвная, там и лейтенант, сэр, коли мне будет позволено заметить. Пока она не сходит вниз, он тоже не сходит вниз. Я имею в виду, если только у него нет такой необходимости... никто из нас не может оставаться на морозе так долго, как эта ве... эта женщина.

— Следите за льдом и не отвлекайтесь от своего дела, мистер Хикки.

От резкого голоса Крозье помощник конопатчика снова вздрагивает, но отдает честь пошаркиванием ног и коротким пожатием плеч и опять обращает свой побелевший нос в сторону тьмы, сгустившейся за бушпритом.

Крозье широким шагом направляется к посту на левый борт. Готовя корабль к зиме в прошлом месяце — после трех недель тщетной надежды вырваться из ледового плена в августе, — он снова приказал развернуть нижние реи вдоль продольной оси судна, чтобы использовать их в качестве конькового бруса. Потом они опять соорудили шатер из парусины, покрывающий бóльшую часть главной палубы, снова поставив каркас из брусков, убранных в трюм во время трех недель неоправданного оптимизма. Но хотя люди работают ежедневно по несколько часов, прокапывая лопатами дорожки в снегу, футовый слой которого оставлен на палубе с целью теплоизоляции, скалывая лед ломом и зубилами, а потом выгребая ледяную крошку, забившуюся под парусиновую крышу, и наконец посыпая

14 песком дорожки, здесь всегда остается корка льда, и движение Крозье по наклоненной к носу и к правому борту палубе порой больше напоминает изящное скольжение конькобежца, нежели ходьбу.

Вахтенный на левом борту, по графику несущий дежурство сейчас, гардемарин Томми Эванс — Крозье узнает самого молодого члена экипажа по нелепой зеленой шапочке с помпоном (вероятно, связанной матерью мальчика), которую юный Эванс всегда натягивает поверх объемистого «уэльского парика», — отошел на десять шагов в сторону кормы, чтобы предоставить молодому третьему лейтенанту Ирвингу и леди Безмолвной подобие уединения.

При виде этого у капитана Крозье возникает желание дать кому-нибудь — всем — крепкого пинка под зад.

Эскимоска, похожая на толстого медвежонка в своей меховой парке с капюшоном и меховых штанах, стоит спиной вполоборота к высокому лейтенанту. Но молодой третий лейтенант подобрался к ней вдоль фальшборта почти вплотную — он еще не касается женщины, но стоит гораздо ближе, чем офицер и джентльмен позволил бы себе стоять возле дамы на вечеринке в саду или на прогулочной яхте.

— Лейтенант Ирвинг.

Крозье не хотел произносить приветствие таким резким, лающим голосом, но несколько не расстраивается, когда молодой человек подпрыгивает, словно уколотый кинжалом, чуть не теряет равновесие, хватается за обледенелый поручень левой рукой и — как он упорно продолжает делать, хотя теперь знает правила этикета, принятые на корабле во льдах, — отдает честь правой рукой.

Нелепый жест, думает Крозье, и не только потому, что из-за неуклюжих рукавиц, «уэльского парика» и многочисленных теплых поддевок под зимней ши-

нелю молодой Ирвинг малость смахивает на отдающего честь моржа, но также потому, что парень стянул шерстяной шарф со своего чисто выбритого лица — вероятно, с целью показать Безмолвной, как он привлекателен, — и теперь у него под ноздрями болтаются две длинные сосульки, придающие ему еще большее сходство с моржом.

— Отставить! — рявкает Крозье.

«Чертов болван», — добавляет он мысленно, но достаточно громко, чтобы молодой лейтенант мог без труда расслышать произнесенные слова.

Ирвинг стоит неподвижно, бросает взгляд на Безмолвную — во всяком случае, на затылок мехового капюшона — и открывает рот, собираясь заговорить. Очевидно, никакие слова не идут ему на ум. Он закрывает рот. Губы у него такие же белые, как обмороженная кожа.

— Сейчас не ваша вахта, лейтенант, — говорит Крозье, снова слыша в своем голосе металлические нотки.

— Нет, сэр. То есть да, сэр. То есть капитан прав, сэр. То есть...

Ирвинг снова решительно захлопывает рот, но впечатление несколько портит стук зубов. После двух-трех часов на таком морозе зубы порой разрушаются — буквально взрываются, разлетаясь осколками эмали между стиснутыми челюстями. Иногда, по опыту знает Крозье, вы слышите треск эмали за мгновение до разрушения зубов.

— Почему вы все еще здесь, Джон?

Ирвинг пытается моргнуть, но застывшие веки не слушаются, словно намертво примерзшие к глазным яблокам.

— Вы приказали мне заняться нашей гостьей... присмотреть за ней... позаботиться о Безмолвной, капитан.